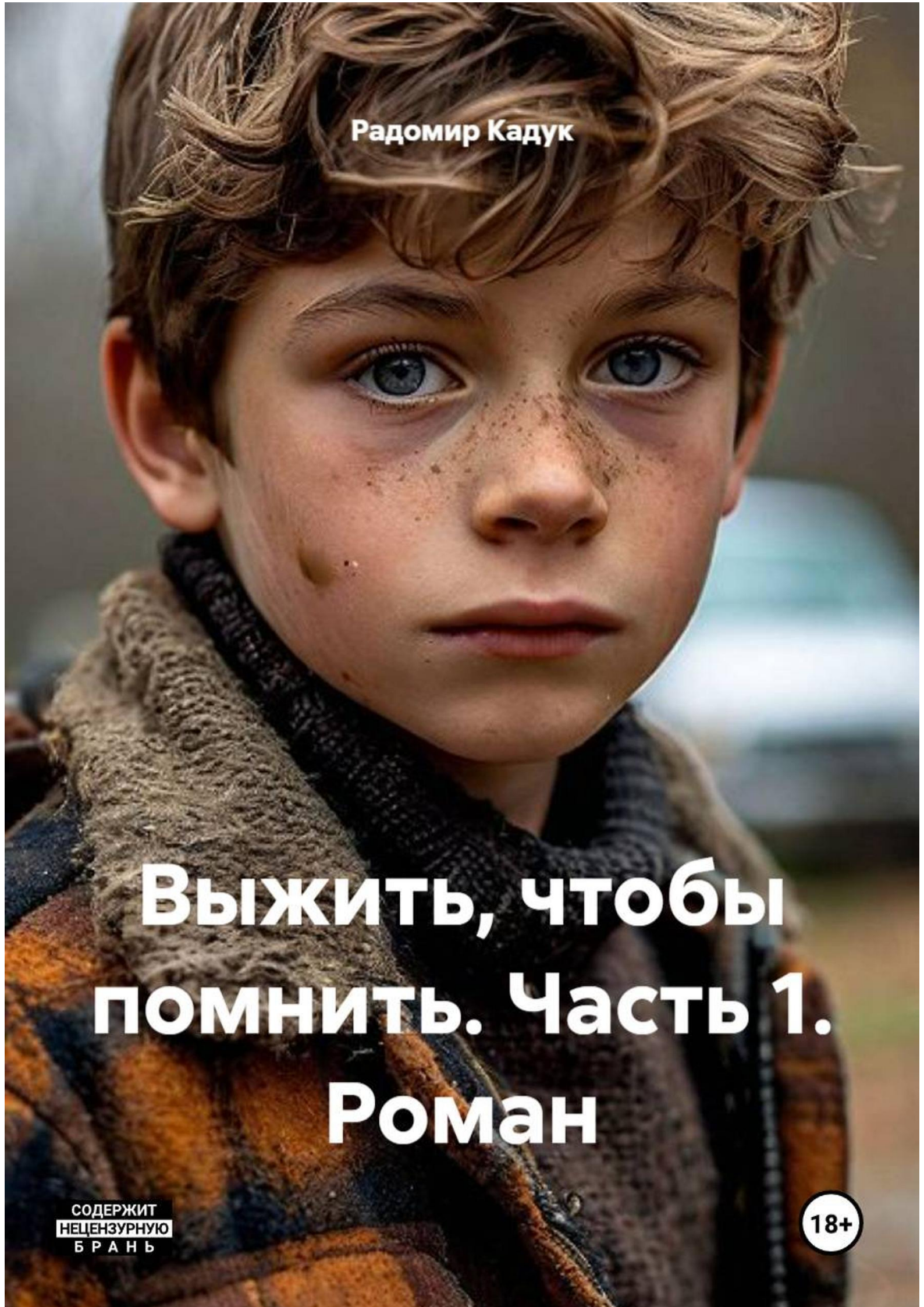

Радомир Кадук

**Выжить, чтобы
помнить. Часть 1.
Роман**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Радомир Кадук

**Выжить, чтобы
помнить. Часть 1. Роман**

«Автор»

2026

Кадук Р.

Выжить, чтобы помнить. Часть 1. Роман / Р. Кадук — «Автор»,
2026

Марк — мальчик, чьё детство разбито жестокостью приёмной матери и равнодушием отца. Он теряет глаз, память, веру в людей, но находит брата Никиту, о существовании которого не знал. Вместе они создают организацию по защите детей от домашнего насилия. Когда любимая девушка Марка, Даша, погибает в результате преднамеренного наезда, жизнь превращается в борьбу за правду. Смогут ли братья выстоять, когда ложь становится оружием, а прошлое не отпускает? Это история о боли, которая не ломает, о выборе между местью и прощением, и о свете, который даже в самой тёмной ночи не даёт погаснуть.

© Кадук Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Радомир Кадук

Выжить, чтобы помнить. Часть 1. Роман

Глава 1.

Елена чистила картошку, когда в дверь постучали. Нож замер над миской — три удара, через равные промежутки. Так стучат только чужие.

Она вытерла руки о фартук, выглянула в глазок. Коридор общежития был пуст, только лампочка мигала, выбивая дробь. На полу, прислонённая к двери, стояла гитара — та самая, с потёртым грифом, где Андрей выпарапал ножом букву «Л». Струны дрожали, будто по ним только что провели пальцем. Елена открыла дверь. В коридоре пахло машинным маслом и жареной картошкой — как всегда, но сейчас эти запахи казались чужими, будто они остались от прежней жизни, а новая уже началась без неё.

Она взяла гитару. На корпусе, у самой деки, было влажное пятно, и когда она поднесла пальцы к лицу, они пахли мокрой травой и металлом. За стеклом в конце коридора мелькнула тень. Елена шагнула вперёд, но там никого не было — только табачный дым вился серой лентой вдоль батареи. Андрей не курил. Никогда. Говорил, что голос сядет.

Она занесла гитару в комнату, поставила у кровати, где он обычно сидел по ночам, сочиняя песни для ребёнка. Соседи тогда стучали по батареям — старуха из тридцать второй орала, что спать не дают. А теперь батареи молчали. Всё в комнате стояло на своих местах: его блокнот на подоконнике, кружка с недопитым чаем, рубашка на спинке стула. Только гитара была чужой. Или её принесли, или он сам её оставил, но тогда почему не зашёл?

Она села на пол, обхватив колени. Вчера он целовал её в затылок, когда она мыла полы в коридоре, и шептал: «Ещё немного, Лен. Я устрою концерт в ДК, заплатят триста, купим коляску». Он всегда говорил «мы». Даже когда она молчала, боясь спугнуть это странное, хрупкое счастье, он достраивал за неё фразы.

Утром она увидела его в окне. Нет, не его — пальто. То самое, клетчатое, с оторванной пуговицей, которую она обещала пришить. Пальто висело на спинке скамейки в парке, через дорогу от общежития. Елена выбежала босиком, не надев даже куртки — снег в феврале хрустел под ногами, леденил ступни, но она не чувствовала холода. В кармане пальто лежал конверт. Внутри — листок с корявыми, слишком прямыми буквами. Она узнала почерк, но что-то было не так: буквы «а» выведены с нажимом, которого Андрей никогда не делал, он всегда писал легко, почти невесомо. «Лена, прости. Я уезжаю. Не ищи. Ты достойна лучшего. Я не готов к ребёнку».

Она прочитала трижды. Сначала не поверила. Потом разорвала листок, но тут же собрала клочки, сложила в карман халата. Слова не шли из головы: «Я не готов». А вчера он гладил её живот и плакал от счастья, уткнувшись носом в пупок. Она помнила, как его слёзы щекотали кожу, как он смеялся сквозь них и говорил: «Представляешь, у нас будет свой человек. Маленький. Наш».

Теперь она стояла на лестнице, глядя на дверь тридцать второй квартиры. Старуха, которая стучала по батареям, всегда знала всё первой. Елена постучала. Дверь открылась не сразу — за шкафом слышалось шарканье, потом скрип.

— Чего? — старуха выглянула, прищурилась. — А, это ты. Слышала, слышала. Ночью у вас там музыка была, а потом топот. Я думала, драка. А он ушёл, да?

— Он оставил письмо, — сказала Елена, и голос её был ровным — слишком ровным, как у людей, которые боятся расплакаться при чужих. — Вы не видели, кто приходил?

— А кто ж его знает. Машина стояла чёрная, у ворот. «Мерседес», вроде. Ну, эти, с завода, часто тут торчат. Твой-то, музыкант, он же не местный, он из района. Может, домой укатил, матери там помочь.

Машина. Чёрная. Елена знала только одну такую. Она видела её у школы неделю назад, когда Валентин — помощник прокурора, тот самый, с тяжёлым взглядом, как масло на воде — вышел и сказал: «Прогуляемся?» Она отказалась. Он не настаивал, только усмехнулся: «Любовь, Лена — это то, что ты выбираешь, когда нет выбора». Тогда она подумала: дурак, при чём здесь выбор? А теперь пальто в парке, гитара у двери, письмо — всё это пахло одним. Не Андреем. Валентином.

Она вернулась в комнату, закрыла дверь на щеколду. Внутри всё дрожало, но она заставила себя сесть и перечитать письмо ещё раз. «Я не готов». Андрей был готов за месяц до того, как она сказала ему про ребёнка. Он сам предложил расписаться, когда ей стукнет семнадцать. Он купил кольцо — дешёвое, с фианитом, но носил его на цепочке под рубашкой, чтобы никто не видел. Он боялся, что её опекун — отец — узнает и запретит встречаться. Но он не боялся ребёнка.

Елена встала, подошла к столу. В ящике лежала его записка — триста рублей, которые он копил на студию. Она открыла коробку из-под чая. Деньги были на месте. Если бы он уезжал, он бы взял их. Или оставил ей. Но не просто так, не в коробке, где она могла бы их не найти.

Она вышла в коридор. На лестнице пахло табаком — тем же, что она учуяла утром, когда нашла гитару. Она спустилась на первый этаж, к вахтёрше, тётке Гале, которая знала всех, кто входил и выходил. Вахтёрша пила чай из гранёного стакана и читала детектив.

— Тётъ Галь, а вчера ночью кто-то входил? Ну, не из наших?

— А был, был, — отозвалась та, не поднимая глаз. — Тот, длинный, в пиджаке. Сказал, к Андрею вашему. Я не пускала, а он показал удостоверение — из прокуратуры, дескать. Ну я и пустила. Он минут двадцать там был, потом вышел. А на руке у него, видела, царапина — свежая, кровь ещё не запеклась. Я спросила, не помочь ли, а он говорит, кошка оцарапала.

— Он ушёл один?

— А то нет. С пустыми руками. А утром твой Андрей вышел, я видела. Только как-то странно — мешок какой-то нёс, большой. Я окликнула, а он не обернулся. Обычно-то он здоровается, а тут — мимо.

Мешок. Андрей не носил мешки. У него был рюкзак, старый, с заплаткой, который она зашивала дважды. Елена кивнула, поднялась к себе. В комнате она открыла шкаф — рюкзак висел на крючке. Она провела пальцем по заплатке. Внутри лежали его тетради, Пастернак, зажигалка, которую он не курил, а просто носил — на память о деде.

Она села на кровать. Телефона у них не было, но соседка со второго этажа, Наташа, работала на почте и могла позвонить в район, где жили родители Андрея. Елена спустилась через десять минут. Наташа слушала, качая головой, а потом набрала номер.

— Алло, это мать Андрея? — спросила она в трубку. Потом замолчала, лицо её изменилось. — Что? А когда? Да нет, он здесь... Нет, мы не видели. А вы... Вы уверены?

Она положила трубку, посмотрела на Елену.

— Он не приезжал. Мать говорит, он всегда звонит в воскресенье. А вчера не позвонил. Она думала, у него концерт.

Елена вышла из комнаты. В коридоре она прислонилась к стене — плитка была холодной, и этот холод разливался по спине, добирался до затылка. Она перебирала в голове: пальто в парке, гитара у двери, письмо с неправильными буквами, царапина на руке Валентина, мешок, который нёс Андрей, но не обернулся, когда его окликнули. Андрей всегда оборачивался. Он говорил: «Я хочу видеть мир, который остаётся за спиной». Она смеялась, а он целовал её в висок.

Она вернулась в комнату, взяла гитару. Прижала к себе, вдохнула запах мокрой травы и металла. На струнах, между третьей и четвёртой, застряла травинка. Елена вытащила её, повертела в пальцах. Такая трава растёт только у реки, в парке за ДК. Там, где они целовались в июне, когда она впервые сказала ему про беременность, а он заплакал и рассмеялся одновременно.

Она надела пальто — его пальто, клетчатое, с оторванной пуговицей — и вышла. На улице было темно, фонари горели через один, и воздух пах сырой травой и снегом, который уже начал таять. Она пошла в парк. В руках она несла гитару — как оружие, как доказательство, как последнее, что у неё осталось. Она шла медленно, прислушиваясь к каждому звуку, к каждому шороху, и в груди билось что-то тёмное, тягучее, что она не могла назвать страхом. Это было другое. Это было знание, которое она не хотела принимать: Андрей не уехал. Его забрали.

Она дошла до последнего фонаря. Здесь, на мокрой траве, она увидела тёмное пятно. Елена опустилась на колени, провела пальцем по земле. Пахло железом и чем-то сладковатым. Она поднесла руку к лицу, но не посмотрела на неё. Она смотрела в темноту, где за деревьями угадывался силуэт машины — чёрный «мерседес», припаркованный в кустах.

Дверца открылась. Валентин вышел, опёрся на капот, закурил. В свете сигареты его лицо казалось спокойным — почти дружелюбным. Он посмотрел на неё, на гитару, на её руки, испачканные землёй, и сказал:

— Ты рано. Я думал, ты прочитаешь письмо и успокоишься.

Елена встала. Гитара в её руках дрожала, струны отзывались низким гулом.

— Где он? — спросила она, и голос её был твёрже, чем она ожидала.

Валентин выпустил дым. Пожал плечами, будто речь шла о погоде.

— Он выбрал. Я предлагал деньги. Десять тысяч, студию. Он отказался. Сказал, что не продаёт тебя. Это благородно, но глупо. Здесь либо ты, либо тебя. Ты понимаешь?

Она сжала гриф гитары так, что струны больно впились в ладонь.

— Я не вещь, — сказала она. — И он не вещь. Где он?

Валентин затушил сигарету о дверцу, не глядя. Подошёл ближе, почти вплотную. От него пахло дорогим одеколоном и табаком — тем же, что на лестнице. Он посмотрел на её живот, прикрытый пальто, и улыбнулся — странно, почти печально.

— Ты родишь, Лена. Я позабочусь. Квартира, деньги, всё, что нужно. Ты не будешь мыть полы в общежитии и собирать осколки. Ты будешь жить. А он... он сделал свой выбор.

Она подняла гитару, замахнулась. Но он не отшатнулся. Только посмотрел ей в глаза и сказал тихо — так тихо, что она услышала это только потому, что стояла близко:

— Ты не хочешь знать, что в мешке. Поверь. Не хочешь.

Рука её дрогнула. Гитара выпала на землю, струны жалобно звякнули, и этот звук разнёсся по пустому парку, ударился о голые деревья и вернулся эхом. Елена опустилась на колени. В груди что-то оборвалось — не сердце, нет, что-то другое, то, что держало её на плаву все эти месяцы. Она не плакала. Она просто сидела на мокрой траве, глядя на чёрную землю, и ждала, пока Валентин уйдёт. Но он не ушёл. Он стоял над ней, и его тень закрывала свет единственного фонаря.

— У тебя есть время, — сказал он. — До августа. Подумай. Я не тороплю.

Он сел в машину и уехал. Елена осталась одна в парке, с гитарой в руках, с запахом металла и травы, с пятнами на пальто, которые не отстираются. Она сидела так долго, что пальцы онемели и перестали чувствовать струны. А потом она подняла голову и увидела в ветвях дерева, над последним фонарём, что-то белое — записку, приколотую булавкой к коре.

Она встала, подошла ближе. Сорвала листок. На нём было написано карандашом, и почерк был Андрея — настоящий, лёгкий, с наклоном вправо: «Он врёт. Я жив. Не верь ему. Жди».

Она сжала записку в кулаке, прижала к груди. Внутри шевельнулся ребёнок — слабо, едва ощутимо, как напоминание. Елена выдохнула и почувствовала, как холод от земли поднимается по ногам, добирается до живота, до самого сердца. Она не знала, что теперь делать. Она знала только одно: она будет ждать. Даже если это ложь. Даже если это ловушка. Она будет ждать, потому что другого выбора у неё не было.

Она пошла обратно, через парк, держа в одной руке гитару, в другой — записку. Фонари мигали, провожая её короткими вспышками. У ворот общежития она остановилась. В окне её комнаты горел свет — она не оставляла его включённым. Кто-то был внутри.

Елена переступила порог. И сделала шаг в неизвестность, где правда и ложь переплелись так плотно, что уже нельзя было разобрать, где кончается одно и начинается другое.

Глава 2.

Марк нашарил под половицей коробок. Дерево скрипнуло, и в щель просыпалась труха — он зажал пальцами ноздри, чтобы не чихнуть. Внутри лежал окурок, смятый, с тёмным ободком помады, и фотография женщины, которую он не знал. Она смеялась, запрокинув голову, а на заднем плане угадывались ворота общежития. Марк перевернул снимок — на обороте чернилами, выцветшими до синевы: «Лена, лето 96». Он сунул фото в карман штанов, поверх засохшей корочки яблочного пирога, которую Анна сунула ему тайком, когда кашель стих.

Внизу хлопнула дверь. Не входная — та, что вела из кухни в подвал. Марк замер, прислушиваясь. Шаги были чужими — не отец, не Надежда, кто-то третий, но он знал, что должен спуститься, если услышит своё имя. Отец называл его только полным именем, и голос всегда был на одной высоте — без повышения, без паузы, как приговор.

Марк выскользнул из чердачного люка, перешагнул через разохшуюся ступеньку, где торчал гвоздь. Он знал все опасные места в доме: половица у лестницы прогибалась, дверная ручка в гостиной царапала ладонь, а в ванне горячая вода кончалась ровно через три минуты. Он считал всегда, когда мылся. Если успеть за сто восемьдесят ударов сердца — успеешь смыть мыло. Сегодня он не мылся.

— Марк!

Отец стоял у машины, уже завёденной. Чёрный джип урчал, из выхлопной трубы валил белый пар, смешиваясь со снегом. Валентин не обернулся, когда мальчик подбежал, натягивая куртку на ходу — Анна не успела застегнуть пуговицы, и ветер леденил шею.

— Всё, — сказал отец, когда Марк забрался на заднее сиденье. — Хватит прятаться.

Джип тронулся, и за окном чердак, с которым Марк сроднился за два месяца, превратился в серый прямоугольник, потом в точку, потом исчез. На коленях у Марка лежал пакет с яблочным пирогом — Анна сунула и его, когда никто не видел. Он отломил кусок и жевал, пока отец не включил приёмник. В динамиках зашипел голос диктора, читающего новости, а Валентин вдруг выключил звук и сказал, глядя в зеркало:

— Ты знаешь, зачем мы едем?

Марк проглотил пирог, и тот встал колом в горле.

— Нет, папа.

— Потому что я хочу, чтобы ты увидел, кто твой отец. Ты должен знать, откуда у нас деньги. Не из воздуха, а из заводов, из стали, из вёртких рук, которые работают. Запомни: ты не нищий. Ты наследник.

Он ткнул пальцем в бардачок. Марк потянулся, открыл — внутри лежала стопка бумаг, и на верхней, с гербовой печатью, была его фамилия. «Марк Валентинович, 1997 г.р.». Он не успел прочесть дальше — Валентин выхватил бумаги, сунул под сиденье.

— Не трогай. Это не игрушки.

Но Марк успел увидеть строчку внизу: «мать — Елена Сергеевна, причина смерти — острая сердечная недостаточность, 1997». Он знал, что мать умерла, но никогда не видел документа. Он засунул руку в карман, нащупал фотографию — та же улыбка, то же имя. Он не спросил отца. Спросить значило бы признаться, что он залез в тайник. Но он вспомнил, как в прошлом месяце Анна уронила чашку и прошептала: «Господи, прости, она была такая молодая...» — и замолчала, когда в кухню вошла Надежда.

Они ехали по шоссе, обгоняя фуры. За окном стелилась позёмка, и Марк смотрел на автомобили, которые то появлялись, то исчезали в снежной пелене. В кармане лежало фото, на коленях — пирог, в голове — число «1997». Год его рождения. И год её смерти.

В Москве они остановились у высокого здания с колоннами. Валентин вышел, не выключив двигатель. Марк остался один, и через минуту в стекло постучали. Он обернулся — за окном стояла женщина, которую он никогда не видел. Она была в меховой шапке, с красным носом, и улыбалась так, будто знала его.

— Мальчик, ты не Марк? — спросила она, приоткрыв дверь. От неё пахло морозом и мятной жвачкой. — Твой отец просил передать. — Она сунула ему конверт — плотный, жёлтый. — Скажешь ему, что я отдала.

И она ушла, скрывшись в снегопаде, прежде чем Марк успел спросить, кто она. Он открыл конверт — внутри был листок с печатным текстом, но внизу, карандашом, приписка: «Она не умерла в больнице. Спроси у Анны».

Марк сжал бумагу и сунул в карман, поверх фотографии. Сердце колотилось так, что он слышал его удары в ушах, перекрывающие гул мотора. Он хотел выбежать, догнать женщину, но в это время из здания вышел отец, и в руках у него был новый документ — с сургучной печатью. Валентин сел в машину, положил папку на колени, и сказал:

— Теперь ты официально мой наследник. Завтра нотариус, потом школа в центре. Будешь жить с нами, не на чердаке. Хватит прятаться.

Марк кивнул, но в голове крутилось: «Она не умерла». Он посмотрел на отца. Тот был спокоен, даже доволен — как будто решил большую проблему. Но Марк впервые заметил, что у отца дрожат пальцы, когда тот поправляет зеркало заднего вида. И вены на руке вздулись, как у человека, который не спал много ночей.

Они поехали обратно. В доме пахло жареным мясом — Надежда готовила ужин, но, когда они вошли, она даже не обернулась. Она стояла у плиты, помешивая что-то в сковороде, и говорила по телефону, прижав трубку плечом:

— Да, я понимаю, но он не должен знать. Мать — это тайна. Если он узнает, что она жива, всё рухнет. Валентин подписал документы, она не имеет прав.

Она замолчала, услышав шаги. Повернулась — и улыбнулась той же маской, что всегда, холодной и липкой.

— Марк, помой руки. Садись за стол.

Он прошёл в ванную. Открыл кран, подставил ладони под ледяную воду, считая: раз, два, три — но мысль не уходила. «Она жива. Мать жива. Анна знает». Он закрыл воду, вытер руки о штаны. На подоконнике лежал клочок бумаги — чей-то список покупок, но на обороте было написано химическим карандашом: «Лена ушла из клиники в 1998. Её видели в Питере. Я сама отвезла ей вещи. — А.»

Он узнал почерк Анны. Её округлые буквы, с хвостиками, которые она выводила, когда писала в кухонной тетради рецепты. Марк сложил записку в карман, рядом с фотографией, конвертом и письмом. Теперь у него было четыре улики, и ни одной подсказки, что делать.

Он вернулся в гостиную. Надежда накладывала ему картошку, и от её рук пахло духами — резкими, почти удушающими. Она сказала:

— Завтра приедет няня. Займётся тобой. Не будешь болтаться под ногами.

Марк поднял глаза. За столом отец пил чай, глядя в стену. Он не вмешивался. Надежда говорила от его имени, и так было всегда. Марк воткнул вилку в картофелину, но не ел. Он смотрел на отца, на его неподвижное лицо, на руки, которые всё ещё чуть дрожали. И впервые он подумал не о том, как спрятаться, а о том, как найти эту женщину — свою мать, которая, по словам приписки, не умерла. Но если она жива, зачем отец сказал, что она умерла? И почему Анна скрывает?

После ужина он поднялся на чердак. Сел на старый матрас, где ещё хранился запах его собственного пота и сырости. Достал все находки, разложил перед собой. Фотография улыбающейся Лены, конверт с припиской, записка Анны, свидетельство с печатью. Он соединил даты: 1997 — он родился и она умерла по документам. 1998 — её видели в Питере. Значит, она сбежала? Или её увезли?

Он вдруг вспомнил, что в ящике у Анны, под скатертью, лежит старая открытка с видом Петербурга. Он спустился в кухню, когда все спали. Нашупал открытку — на обороте было написано: «Лена, прости. Я не могла иначе. Твой сын у него. Если ты хочешь его видеть, не приезжай сюда. Сделаем по-другому. Жди сигнала. — А.» Дата — 2000 год.

Марк стоял в темноте, сжимая открытку. Его руки тряслись, но это была не дрожь страха — он вдруг понял, что его мать жива, что Анна знает больше, чем говорит, и что отец и Надежда врут. Но главное — он понял, что выбор, который стоит перед ним, не «быть хорошим сыном» или «бежать». Он должен решить, кому верить. И что важнее — правда о матери, которую он никогда не видел, или покой в доме, где его терпят, но не любят.

Он спрятал открытку в карман куртки. На завтра у него была новая цель: не быть незамеченным, а найти того, кто может привести его к Лене. Или к её могиле. Но он знал — на этот раз он будет действовать не так, как его учили. Он не будет ждать.

Глава 3

Марк перешагнул порог школы и остановился. За спиной хлопнула дверь, отрезав шум улицы, и в лицо ударил запах — краски, дешёвого клея, влажных курток и, из глубины коридора, дрожжевого духа столовой. Он сделал шаг. Лямка портфеля соскользнула с плеча, и он поймал её на лету, сжав так, что край впился в ладонь. Вдоль стены висели стенды с детскими рисунками — яркие пятна, размытые в глазах. Он не смотрел на них. Он смотрел на пол, на квадраты линолеума, считая их: раз, два, три — как в ванной, когда мылся.

Слева зашумело — стайка детей вылетела из класса, толкнула его плечом. Марк вжался в стену, прикрыл глаза и услышал, как в груди начинается свист. Он нащупал в кармане ингалятор, но не достал — вокруг были люди. Они бы спросили, что это, и он бы не знал, что ответить. Он просто задержал дыхание на три удара сердца, потом выдохнул, открыл глаза.

Перед ним стояла девочка. Два хвоста, платье в горошек, и она улыбалась — но её улыбка была другой. Не как у Надежды. У Надежды улыбка не поднималась выше скул, а у этой — в глазах были морщинки.

— Ты новенький? — спросила она, чуть склонив голову. — Как тебя зовут?

— Марк.

— А я Катя. Хочешь дружить?

Он молчал. Слово «дружить» он знал только понаслышке — Анна читала ему сказки, где звери делились орехами и выручали друг друга. Но в реальности он не умел делить. Он даже не знал, что у него есть, чтобы отдать.

— Я не умею, — сказал он, и голос его прозвучал глухо, как из бочки.

— Как это — не умеешь? — Катя засмеялась — легко, беззлобно. — Это просто. Играешь, болтаешь. Вот, например, твои родители — они у тебя кто?

Марк почувствовал, как желудок сжался. Этот вопрос был как удар под дых. Он смотрел на её лицо, пытаясь угадать, не ловушка ли это. Но она просто ждала.

— Папа полицейский, — сказал он, и в горле пересохло. — Мама... дома.

Он не соврал. Он просто не сказал, что мама называется Надежда и что она называет его ошибкой каждый день, когда отец не слышит. Он снова вжал плечи в стены, чтобы стать меньше, и заметил, что Катя разглядывает его руки.

— Почему у тебя пальцы синие? — спросила она. — Холодно?

Марк опустил глаза. Пальцы и правда были сизыми — он сжимал портфель так, что кровь отхлынула. Он разжал ладонь, и на коже остались белые следы от лямок.

— Нет, — сказал он. — Просто...

Он не договорил. В коридоре зазвенел звонок, и дети рванули мимо, сметая его в сторону. Катя крикнула что-то на бегу, но он не расслышал — только видел, как её хвосты мелькнули в толпе и исчезли за поворотом.

Он пошёл в туалет. Там было тихо, пахло хлоркой и влажной бумагой. Он заперся в кабинке, сел на крышку унитаза и достал ингалятор — белый, с потёртой этикеткой. Два вдоха, и свист в груди утих. Он посмотрел на дверь — в щель было видно, как кто-то моет руки. Он подождал, пока шаги стихнут, вышел и посмотрел в зеркало. Оттуда глянул бледный мальчик с красными веками. Он улыбнулся — коротко, одними губами, чтобы проверить, как это выглядит. Улыбка не дошла до глаз, но Марк решил, что сойдёт.

Прошло пять дней. На шестой учительница — высокая женщина в очках, пахнувшая мятными леденцами — попросила его остаться после уроков. Когда класс опустел, она села напротив него, сложила руки на столе.

— Ты почти не говоришь, Марк, — сказала она, и в голосе её слышалась тревога. — Сидишь в уборной на переменах. Дети тебя не обижают?

— Нет, — ответил он, глядя на её ботинки. Чёрные, с потёртым носком.

— Тогда что? Ты боишься?

Он хотел сказать «да», но вспомнил, что будет, если она позвонит отцу. Он слышал, как Валентин говорил по телефону: «Если учительница будет доставать — скажи, что мы переведёмся». Но он не хотел переводиться. Здесь хотя бы была Катя, которая не смотрела сквозь него.

— У меня астма, — сказал он. — Я просто дышу.

Учительница вздохнула, записала что-то в тетрадь. Потом протянула ему леденец — мятный, в зелёной обёртке. Он взял, не разворачивая, и спрятал в карман.

Вечером, когда он уже лежал на чердаке, разглядывая трещину в потолке, внизу хлопнула дверь. Тяжёлые шаги отца поднялись по лестнице, но не до конца — остановились на площадке второго этажа.

— Марк! — голос прозвучал отрывисто. — Спускайся.

Он спустился, держась за перила, чтобы не споткнуться. В кабинете отца пахло табаком и бумагой. Валентин сидел за столом, крутил в пальцах зажигалку — щёлкал крышкой, раз, два, три. Марк слышал этот звук и знал, что он означает: отец что-то обдумывает.

— Что у тебя в школе? — спросил он, не глядя.

— Всё хорошо.

— Почему учительница звонила?

Марк замер. В груди снова засвистело, но он не полез в карман за ингалятором — при отце он старался не дышать громко.

— Она беспокоилась, — сказал он. — Из-за астмы.

Валентин поднял глаза. В них было что-то новое — не гнев, а усталость. Он вздохнул, отложил зажигалку.

— Сядь.

Марк сел на край стула. Стул был холодный, и он чувствовал, как дрожь поднимается от поясницы к плечам.

— Ты мой сын, — сказал отец, и голос его стал тише. — Я не хочу, чтобы ты был слабым. Но если ты не можешь быть сильным — хотя бы не позорь меня. Понял?

— Да, папа.

— Повтори.

— Я не буду позорить тебя.

Валентин поднял руку — и Марк зажмурился, втянул голову, сжавшись в комок. Но удара не было. Он открыл глаза — отец смотрел на него с непонятным выражением. И в этот момент в дверь постучали.

Анна вошла с подносом. На нём дымилась кружка, лежало печенье. Она улыбнулась — той же улыбкой, что и всегда, но Марк заметил, что пальцы у неё на подносе побелели.

— Чай, Валентин Сергеевич, — сказала она ровно. — И для Маркушки молоко.

Валентин молчал. Потом махнул рукой:

— Убирайтесь оба.

Марк выбежал, не помня себя. На лестнице он споткнулся о ту же половицу, что всегда, но не упал — схватился за стену и побежал выше, на чердак. Там он сел на матрас, обхватив колени, и слушал, как в груди свистит. Он не плакал. Он ждал Анну.

Она пришла через минуту, с кружкой тёплого молока в руках. Села рядом, протянула ему.

— Пей, Маркушка. Тебе надо успокоиться.

Он взял кружку — старую, с трещиной, из которой он пил, когда болел. Молоко пахло мёдом и корицей. Он сделал глоток, и тёплая жидкость разлилась по горлу, смывая комок.

— Я не могу, — сказал он, глядя в тёмное окно. — Я пытаюсь быть как все, но у меня не получается.

Анна помолчала. Потом взяла его руку — её ладонь была шершавой, в муке.

— А ты не старайся быть как все, — сказала она тихо. — Притворись, что ты такой же. Это проще. Наденешь маску, и никто не увидит, что под ней. А потом, глядишь, и привыкнешь.

Марк посмотрел на неё. В полумраке её лицо казалось старше, морщины у глаз углубились.

— А если я забуду, что я настоящий?

— Тогда я напому, — улыбнулась Анна. — Ты у меня сильный, Маркушка. Самый сильный. Только ты сам не знаешь.

На следующее утро он пошёл в школу с новой целью: он будет носить маску. Он будет отвечать на вопросы, улыбаться, когда надо, и стоять с другими на линейке. Он спросил Катю, как пройти в библиотеку, и она удивилась.

— Ты заговорил? — спросила она, прищурившись.

— Я всегда разговариваю, — сказал Марк, и его голос прозвучал ровно, почти как у отца. — Просто не всегда хочется.

Катя хмыкнула, но повела его в библиотеку. Там пахло бумагой и пылью. Марк подошёл к стеллажу и вдруг увидел на нижней полке книгу, обложка которой была изорвана. Он потянулся, чтобы поправить её, и из-под обложки выпала фотография.

Он поднял её, перевернул. На обратной стороне карандашом было написано: «Лена, 1995. Школа №7». На фото — улыбающаяся девушка с тёмными волосами, точь-в-точь как на той, что он нашёл на чердаке. Сердце забилося быстрее. Он сунул снимок в карман, оглянулся. Катя стояла к нему спиной, листая журнал.

— Ты нашёл что-то? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нет, — ответил он. — Просто книгу уронил.

Он поставил её обратно и вышел из библиотеки. В коридоре он сжал фотографию в кулаке, чувствуя, как край карточки впивается в кожу. В школе висела её фотография. Значит, она здесь училась. Это не случайность — или случайность? Он не знал, но впервые за все дни ему захотелось не спрятаться, а найти.

На уроке он сидел и смотрел на доску, но видел только лицо той женщины. «Она не умерла», — шептал голос в голове. Он решил, что завтра спросит у учительницы, кто эта Лена. Или у Кати. Но он сделает это так, чтобы никто не догадался. Маска — она для того и нужна, чтобы скрывать настоящие намерения.

Когда прозвенел звонок, Марк встал, поправил портфель и вышел в коридор, где его уже ждала Катя. Она предложила пойти в столовую, и он согласился, даже заказал булочку, хотя не хотел есть. Он жевал её, чувствуя, как сладкое тесто прилипает к нёбу, и думал о том, что

эта школа, возможно, хранит больше тайн, чем его дом. И он намерен их раскрыть, даже если придётся притворяться до самого последнего дня.

Глава 4

Марк слышал звук раньше, чем увидел клетку. Сначала — царапанье когтей по жести, потом — тонкий, надрывный писк, похожий на скрип половицы, когда по ней осторожно ступали. Он стоял на лестнице, сжимая в мокрой ладони тарелку, которую только что вытер, и слушал, как этот звук пробивается сквозь гул собственного дыхания. Надежда стояла в дверях гостиной, скрестив руки, и улыбалась — той улыбкой, что не доходила до уголков рта.

— Иди сюда, — сказала она, и голос был мягче обычного, как бархат, под которым лезвие.

Он поставил тарелку на ступеньку, вытер руки о штаны — ткань оставила на пальцах влажные разводы — и пошёл. Каждый шаг отдавался в пятках, и он считал про себя: раз — ступенька не скрипит, два — половица у порога прогибается, три — дверная ручка холодная, с зазубриной. Он знал этот дом на ощупь. Знал, что за сюрпризом всегда следует боль.

В гостиной пахло пылью и старыми обоями, а ещё — чем-то чужим, резким, что перебивало привычный запах табака и отцовского одеколona. На полу стояла клетка, накрытая тряпкой — серой, с выцветшими розанами. Надежда сняла ткань одним движением, и внутри оказался котёнок. Маленький, рыжий, с жёлтыми, ещё мутными глазами, он сидел в углу и дрожал так, что решётка вибрировала.

— Твой, — сказала Надежда, и её голос звенел, как натянутая струна. — Чтобы ты не был таким одиноким.

Марк смотрел на котёнка. Внутри него, там, где давно всё замерло, что-то дёрнулось — как будто кто-то ударил по струне в груди. Он опустился на колени, открыл клетку — замок щёлкнул сухо — и протянул руку. Котёнок ткнулся носом в его ладонь, холодным, влажным, и издал звук, похожий на прерывистое урчание. Шерсть была жёсткой, сбившейся, и пахла от неё соломой и молоком.

— Спасибо, — выдохнул Марк, не поднимая глаз.

— Не благодари, — ответила Надежда, и в голосе её появилась сталь.

Он унёс котёнка на чердак, прижимая к груди, чувствуя, как тельце дрожит и бьётся маленькое сердце. Он назвал его Рыжиком — за цвет, за то, как он светился в щели между досками, когда солнце пробивалось сквозь пыльное окно.

Следующие двадцать три дня Марк просыпался с первым лучом, чтобы проверить, дышит ли Рыжик. Он брал молоко у Анны тайком — она отводила глаза, наливала в старой кружке и не спрашивала. Он прятал блюдце под матрас, выливал остатки в щель между половицами, чтобы никто не нашёл. Он научился читать состояние котёнка по движению хвоста и по тому, как тот тёрся о его пальцы — если сильно, значит, голоден; если слабо, значит, устал.

Рыжик спал у него на груди, и Марк чувствовал, как поднимается и опускается его брюшко, слышал, как урчание отдаётся в собственных рёбрах. Он шептал ему в ухо: «Ты мой. Ты никуда не уйдёшь». И в эти минуты чердак переставал быть клеткой.

На двадцать четвёртый день котёнок перестал есть. Марк заметил это утром, когда блюдо стояло нетронутым, а молоко уже скисло и покрылось плёнкой. Рыжик лежал на подстилке, тяжело дышал, и его живот вздымался с каждым вдохом — неровно, с хрипом. Марк провёл рукой по спине — шерсть была влажной, под ней горела кожа.

— Анна, — позвал он, и голос его сорвался. — Анна, помоги.

Она поднялась на чердак, села рядом. Её ладонь, шершавая от муки, легла на лоб котёнка.

— Он ничего не ел, — сказал Марк, и в его голосе звучала мольба, которой он не позволял себе раньше. — Я давал только молоко. Только то, что ты давала.

Анна не ответила. Она смотрела на котёнка, и в её глазах было что-то, что Марк не мог прочесть. Она взяла блюдо, понюхала, и её рука дрогнула. Но она ничего не сказала. Только покачала головой и прошептала:

— Завтра отвезём к ветеринару.

Завтра не наступило.

Марк проснулся от тишины. Не было мурлыканья, не было тёплого комочка у груди. Он протянул руку, нащупал неподвижное тельце — оно было жёстким и холодным. Он открыл глаза. Рыжик лежал на боку, вытянув лапы, и его глаза были полуоткрыты, жёлтые зрачки смотрели в одну точку, сквозь доски, сквозь крышу, сквозь небо.

Марк не закричал. Он взял котёнка в руки — тот был лёгким, как сухой лист, и от него уже не пахло молоком, только сыростью и чем-то горьким. Он спустился вниз, не чувствуя ступеней. В гостиной отец читал газету, Надежда сидела в кресле с чашкой чая. На её лице было спокойствие — слишком ровное, как натянутая простыня.

— Он умер, — сказал Марк, и голос его прозвучал ровно, без дрожи. — Кто-то убил его.

Валентин поднял голову, поморщился.

— Кошкидохнут. Что за истерика?

Марк повернулся к Надежде. Она поставила чашку на блюдо — звон прозвучал отчётливо, как выстрел.

— Это ты, — сказал он, и в голосе его не было вопроса. — Ты дала мне его, чтобы отнять. Чтобы я плакал. Ты всегда так делаешь.

— Как ты смеешь? — Надежда приподняла бровь, и в её глазах мелькнуло что-то — не удивление, а расчёт. — Я подарила тебе котёнка из жалости. А ты обвиняешь меня в убийстве?

— Довольно! — Валентин встал, стул отлетел назад, ударился о стену. — Извинись перед матерью, или я тебя выпорю.

Марк сжал в руках мёртвого котёнка. Шерсть прилипла к его пальцам, и он чувствовал, как остывшая тушка тяжелеет с каждой секундой.

— Она не мать, — сказал он, глядя отцу в глаза. — Она убила его, чтобы я страдал. И ты знаешь это.

Валентин замахнулся, но в этот момент Марк увидел что-то в его лице — не гнев, а растерянность. Отец опустил руку, повернулся к Надежде. Она сидела неподвижно, и на её губах застыла улыбка, но глаза были пусты.

— Ты что-то сделала с котом? — спросил Валентин, и голос его был тише, чем обычно.

— Что ты, дорогой, — ответила Надежда, и в голосе её послышалась обида, слишком сладкая, чтобы быть настоящей. — Я просто хотела, чтобы он был счастлив.

Валентин посмотрел на неё, потом на Марка. На секунду его лицо дрогнуло — он увидел в руках сына мёртвого котёнка и, кажется, впервые заметил, как тот держит его: не как игрушку, а как тело, как доказательство. Но он уже не мог остановиться. Он вышел и через минуту вернулся с ремнём.

Марк не плакал. Он лёг на пол, прижимая Рыжика к груди, и считал удары. Раз — ремень входит в спину, два — в плечо, три — в ногу. Он слышал глухой, мокрый звук, чувствовал, как кожа разрывается, но внутри него была только тишина. Он смотрел на потолок — на трещину, похожую на карту, и представлял, что по ней можно уйти далеко-далеко, туда, где нет этой боли.

Когда Валентин ушёл, а Надежда поднялась в спальню, в комнату вошла Анна. Она опустилась на колени, взяла его лицо в руки, и он почувствовал, как её слёзы каплют на его щеки — тёплые, солёные.

— Прости, — шептала она. — Я знала, что она сыпала что-то в блюдо, когда ты спал. Я видела, но не остановила. Я не могла.

Марк смотрел в потолок. Он не чувствовал её рук.

— Зачем? — спросил он, и голос его был чужим, как будто говорил кто-то другой. — Зачем я родился, если меня никто не любит?

Анна обняла его, прижала к себе, и он почувствовал запах муки и старой ткани. Она дрожала, и её плечи тряслись.

— Ты родился, чтобы уйти, — прошептала она в его волосы. — Ты должен выжить, Маркушка. Ты слышишь? Ты выживешь и уйдёшь отсюда.

Он не ответил. Он лежал на полу, сжимая мёртвого котёнка, и слушал, как за окном завывает ветер. В его голове крутилась одна мысль — не о боли, не о мести, а о том, что Анна знала. Она знала и молчала. И это было хуже, чем удар ремня.

Он закрыл глаза, и в темноте увидел ту женщину с фотографии — Лену, которая смеялась, запрокинув голову. Он не знал, жива ли она, но впервые ему захотелось найти её. Не чтобы просить помощи, а чтобы спросить: зачем она оставила его здесь, в этом доме, где даже воздух был пропитан ложью?

Глава 5

Марк стоял на коленях в кухне, собирая осколки чашки. Стекло впивалось в пальцы, но он не чувствовал порезов — только видел, как кровь смешивается с мукой на полу. За его спиной стояла Надежда, сложив руки на груди, и её дыхание было ровным, как у спящего зверя.

— Быстрее, — сказала она, и голос её был ленивым, почти скучающим. — Папа придёт через час, а тут бардак.

Марк не обернулся. Он собрал самые крупные осколки в ладонь, поднялся и прошёл к мусорному ведру. На пути он задел ногой стул — тот скрипнул по линолеуму, и Надежда вздрогнула, но не от испуга, а от раздражения.

— Ты специально, да? — сказала она, и в голосе появилась сталь. — Хочешь, чтобы я рассказала отцу, как ты разбил его любимую чашку?

Марк остановился. Он смотрел на ведро, на осколки, на свою ладонь, из которой сочилась тонкая струйка крови, падающая на пол каплями — раз, два, три. Он считал их, чтобы не слышать её голоса. Но слова всё равно пробивались сквозь счёт.

— Ты ничтожество, — продолжала она. — Ты даже не плачешь, когда тебя бьют. Что с тобой не так?

Он не ответил. Он высыпал осколки, вытер руку о штаны, оставив на ткани тёмные пятна, и пошёл к лестнице. Надежда не остановила его. Она только усмехнулась — коротко, сухо, как треск бумаги.

На чердаке он сел на матрас, прижал колени к груди и посмотрел на щель в потолке. Сквозь неё пробивался свет — тусклый, серый, февральский. Он думал о Рыжике, о том, как котёнок тёрся о его пальцы, о тёплом тельце, которое остыло за ночь. Он не плакал. Он просто сидел и смотрел, как пылинки танцуют в луче света, и ждал, когда отец вернётся с работы и позовёт его вниз.

Отец позвал через два часа. Голос его был глухим, уставшим, как всегда после смены. Марк спустился, держась за перила, и каждый шаг отдавался в груди. В гостиной стояла разбитая ваза — Надежда успела подбросить новую улику. Валентин сидел на диване, держа в руках осколок фарфора, и смотрел на Марка так, будто видел его впервые.

— Ты? — спросил он, и в голосе не было вопроса — только утверждение.

— Да, папа, — ответил Марк.

— Зачем?

— Хотел посмотреть телевизор.

Валентин встал. Ремень уже лежал на стуле — приготовленный, сложенный вдвое. Он взял его, и кожаный язык скользнул в ладонь с мягким шорохом.

— Иди наверх, — сказал он, и голос его дрогнул — впервые за долгое время.

Марк пошёл. Он лёг на пол, прижался щекой к холодному линолеуму и закрыл глаза. Удары посыпались на спину, и он считал их — раз, два, три — пока счёт не сбился, и цифры не смешались в одно серое пятно. Он не кричал. Он только сжимал пальцы в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, и думал о том, что Анна сейчас стоит в коридоре и слушает, и завтра она принесёт ему тёплое молоко с мёдом.

Но на следующий день молока не было.

Анна лежала на кровати в своей каморке, и её лицо было серым, как стены. Марк нашёл её утром, когда спустился за ингалятором — запасной лежал у неё в шкафчике. Он открыл дверь, и в нос ударил запах — сладковатый, приторный, тот самый, что остаётся, когда в доме кто-то умирает. Он подошёл, коснулся её руки — она была холодной, но ещё мягкой, как тесто, которое она месила вчера. Он прижал ухо к её груди — тихо. Он позвал её — она не ответила.

Он побежал к отцу. Вбежал в спальню, не постучав, и закричал:

— Анна умерла! Она не дышит!

Валентин сел на кровати, потёр лицо ладонями. Он не встал. Он посмотрел на Марка и сказал:

— Позови Надежду.

Марк замер.

— Она умерла! — повторил он, и голос его сорвался на хрип. — Ты не понимаешь? Анна мертва!

— Я слышал, — сказал Валентин, и в его голосе не было ничего — ни боли, ни сожаления. — Ступай к себе. Я вызову санитаров.

Марк не двинулся. Он стоял, глядя на отца, и в груди его росло что-то тёмное, горячее, что не было ни гневом, ни страхом. Он вдруг понял, что отец не спросил, как она умерла. Он не удивился. Он просто принял это, как принимал каждую потерю — с холодным равнодушием, которое было хуже любого крика.

— Ты знал, — сказал Марк, и голос его был тихим, почти шёпотом. — Ты знал, что она больна. Ты не вызывал врача.

Валентин поднял голову. В его глазах мелькнуло что-то — не гнев, не вина, а усталость, такая глубокая, что Марк на мгновение увидел в нём не отца, а чужого человека, который давно сдался.

— Она была старой, — сказал он. — Всё равно бы не выжила.

Марк вышел. Он не помнил, как поднялся на чердак. Он только помнил, что лёг на пол, прижался спиной к холодным доскам и смотрел в потолок, пока внизу хлопала входная дверь и чьи-то голоса говорили о чём-то бытовом — о документах, о похоронах, о деньгах.

Новая кухарка пришла на следующий день. Зоя была молчаливой, с тяжёлыми руками и запахом дешёвого мыла. Она ставила тарелку на пороге чердака — всегда одну и ту же: суп, хлеб, иногда кусок мяса — и уходила, не глядя на него. Марк пробовал заговорить с ней, но она только качала головой и говорила:

— Нельзя. Он сказал — не разговаривать.

Марк перестал пытаться. Он ел, когда был голоден, пил, когда хотелось пить, и лежал на матрасе, слушая, как ветер гудит в щелях. Он перестал считать дни. Он просто ждал, когда его позовут вниз, чтобы снова обвинить в том, чего он не делал.

Через неделю начался кашель. Сначала сухой, потом — с хрипом, от которого болело в груди. Марк нашупал ингалятор — тот был пуст. Он перевернул его, потряс, но внутри было тихо, как в мёртвом доме. Он попытался встать, чтобы спуститься за запасным, но ноги подкосились, и он упал на колени, ударившись о половицу. Он лежал на полу, хватая ртом воздух, и чувствовал, как лёгкие сжимаются, как кто-то невидимый садится на грудь и давит, давит, давит.

— Анна, — прошептал он, но ответа не было.

Он не помнил, сколько пролежал. Очнулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза — над ним стоял чужой человек в белом халате, с серым лицом и усталыми глазами. Это был врач. Он прикладывал холодную трубку к груди Марка, слушал, качал головой.

— Ему нужен свежий воздух, — сказал он кому-то за спиной. — Хотя бы час в день. Иначе лёгкие откажут.

Марк повернул голову. В дверях стоял Валентин. Он кивнул, глядя на врача, но не на Марка.

— Сделаю, — сказал он.

Ничего не изменилось. Марк лежал в той же комнате, вдыхал тот же пыльный воздух, и его кашель становился всё глубже, всё надрывнее. Он понял, что отец не выпустит его. Что он умрёт здесь, на этом чердаке, и никто не узнает, как он звал Анну и ждал, когда она придёт с молоком.

Но однажды ночью он проснулся от того, что в щель под дверью просунулся конверт. Белый, плотный, без марки. Он сполз с кровати, подполз к двери, взял его дрожащими пальцами. Внутри лежал листок, исписанный округлым почерком Анны — тем самым, с хвостиками, которые она выводила, когда писала рецепты.

«Маркушка, если ты это читаешь, значит, меня уже нет. Я знаю, что они не выпустят тебя, но я кое-что оставила. В коробке из-под чая, в моей каморке, за старой скатертью — адрес. Там живёт твоя мать, Лена. Она не умерла. Я не могла сказать тебе при жизни — боялась, что

они узнают. Но теперь ты должен сам решить, что делать. Это не прощение. Это выбор. Ты всегда был сильным. Просто не знал этого. — Анна».

Марк сжал письмо в кулаке. Сердце его колотилось так, что он слышал его удары в висках. Он не знал, сможет ли спуститься, сможет ли найти ту коробку, но впервые за долгое время он почувствовал не пустоту, а что-то другое — дрожь, которая пробежала по спине и остановилась где-то в груди, там, где раньше была только боль.

Он поднялся. Ноги дрожали, но он заставил себя встать. Он отодвинул матрас, нашёл под половицей запасной ингалятор — Анна спрятала его там, когда он не смотрел. Сделал два вдоха и почувствовал, как воздух входит в лёгкие — неглубоко, но ровно.

Он подошёл к двери. Она была заперта снаружи. Но он знал, что есть ещё один выход — через окно, на крышу, а оттуда — по водосточной трубе вниз. Он не был уверен, что справится, но он помнил её слова: «Ты должен выжить».

Он открыл окно. Холодный февральский воздух ударил в лицо, и он вдохнул его полной грудью, чувствуя, как лёгкие расширяются, как боль отпускает. За спиной, внизу, хлопнула дверь — отец проснулся и проверял, заперт ли чердак.

Марк сделал шаг вперёд, на подоконник. Ветер рвал его рубашку, и он слышал, как внизу кто-то кричит его имя. Но он не обернулся. Он посмотрел вниз, на мокрую землю, на тёмные деревья, на чёрный силуэт машины, припаркованной у ворот. И он прыгнул.

Он упал на кучу мокрых листьев, боль пронзила лодыжку, но он встал, прихрамывая, и побежал к воротам, сжимая в кармане письмо Анны. За спиной слышались крики, но он не останавливался. Он бежал в темноту, не зная, куда, но чувствуя, что каждый шаг приближает его к той женщине, которую он никогда не видел, но которая, возможно, ждала его все эти годы.

Глава 6

Марк проснулся от холода. Одеяло сползло на пол, и он лежал в одной рубашке, прижимаясь щекой к шершавому матрасу, вдыхая запах пыли и собственного пота. В щели под дверью горел свет — кто-то был внизу. Он сел, и голова закружилась, но он встал, нашарил ногой ботинок — второй валялся у стены. Надел один, второй сжал в руке и пошёл к лестнице, ступая босиком по холодным доскам.

В коридоре второго этажа пахло жареным луком и мокрым пальто — Зоя готовила ужин, но она никогда не поднималась наверх. Марк остановился у перил, вслушиваясь в звуки: шипение сковороды, стук ножа о доску, потом — голос, низкий, чужой. Не Надежды, не отца. Кто-то говорил по телефону в гостиной.

Марк спустился на первую ступеньку, потом на вторую. Половица под пяткой скрипнула, и голос замолк. Он замер, прижался спиной к стене и слышал, как колотится сердце — глухо, гулко, отдаваясь в висках.

— Выходи, — сказал голос из гостиной. — Я знаю, что ты там.

Марк узнал его — хриловатый, с металлической ноткой. Это был тот самый человек, который привозил отцу какие-то бумаги, тот, от которого пахло табаком и машинным маслом. Он появлялся раз в месяц, всегда вечером, и всегда уходил через чёрный ход.

Марк шагнул в дверной проём. В гостиной горела настольная лампа, и в её жёлтом круге сидел мужчина — широкоплечий, в чёрной водолазке, с сединой на висках. Он смотрел на Марка поверх очков, и в его взгляде не было удивления — только внимательность, как у хирурга перед разрезом.

— Ты Марк? — спросил он, не вставая.

Марк кивнул. Рука с ботинком бессильно висела вдоль тела.

— Я знал твою мать, — сказал мужчина, и в голосе его вдруг появилась мягкость, которой Марк не слышал ни от кого в этом доме. — Она была хорошая. Слишком хорошая для этого мира.

Марк молчал. В горле пересохло, и он не мог выдавить ни слова. Он смотрел на незнакомца и видел, как тот достаёт из кармана портсигар, щёлкает зажигалкой — звук был сухой, как треск половицы, — затягивается и выпускает дым в потолок.

— Она не умерла в больнице, — сказал мужчина, и его глаза сузились. — Твой отец соврал. Я сам видел её в 98-м, в Питере. Она работала в пекарне, жила в коммуналке. Когда я спросил, почему она не забирает тебя, она ответила: «Они убьют Марка, если я попытаюсь». Она боялась за тебя.

Марк сжал ботинок так, что ногти впились в кожу. Он хотел спросить, как её найти, но слова застряли в горле, и он только открывал рот, как рыба, выброшенная на берег.

— Я пришёл сказать, — мужчина потушил сигарету о подошву ботинка, засунул окуроч в карман, — что на днях твой отец собрал чемоданы. Он уезжает в Москву на месяц. Надежда поедет с ним. В доме останется только Зоя. Это твой шанс.

Он встал, поправил воротник, и направился к выходу. У двери он обернулся и бросил конверт на пол — жёлтый, уже знакомый.

— Там деньги и адрес. Если решишь — езжай на вокзал, сядь на поезд до Питера. Билет в конверте. Но запомни: если они узнают, я ничего не говорил. Я исчезну, и ты меня не видел.

Дверь хлопнула. Марк остался один в полумраке, с ботинком в руке, глядя на жёлтый конверт на полу. Он подошёл, поднял его. Внутри были деньги — пачка купюр, — билет на поезд с завтрашней датой, и листок с адресом: «ул. Печатников, д. 5, кв. 12». Он спрятал конверт за пазуху, под рубашку, и почувствовал, как бумага нагревается от тела.

Поднялся на чердак, лёг на матрас и не спал до утра. Он слышал, как Зоя гремит посудой, как Надежда смеётся где-то в гостиной, как за окном воет ветер. Он считал часы до того момента, когда сможет уйти. Но внутри него росло сомнение: а что, если это ловушка? Что, если мужчина работает на отца и проверяет его? Он вспомнил, как Анна говорила: «Не верь незнакомцам, Маркушка. Даже если они говорят то, что ты хочешь услышать».

Наутро он стоял у окна и смотрел, как отец грузит чемодан в багажник. Надежда сидела в машине, не оборачиваясь. Валентин посмотрел на чердак — Марк отшатнулся, но отец уже отвернулся, сел за руль, и джип выехал за ворота, оставляя на снегу две чёрные колеи.

В доме стало тихо. Зоя мыла полы, и в коридоре пахло хлоркой и холодом. Марк спустился вниз, в гостиную, и встал у камина, глядя на дорогие вещи, которые никогда не были его. Хрустальная ваза, фарфоровая статуэтка, золотая рамка с фотографией — но на ней была не Надежда, а женщина, которую он никогда не видел. Он подошёл ближе, взял рамку, перевернул. Сзади была надпись карандашом: «Лена, 1995».

Сердце его забилось быстрее. Он сунул фотографию в карман, рядом с конвертом. В этот момент дверь кухни скрипнула, и он обернулся. Зоя стояла на пороге, опираясь на швабру. Она смотрела на него, и в её глазах не было равнодушия, которое он привык видеть.

— Я знаю, что он приходил, — сказала она тихо, и голос её дрожал. — Я видела его ночью. Ты поедешь?

Марк сжал в кармане конверт и фотографию.

— Не знаю, — ответил он, и голос его был хриплым. — А ты бы поехала?

Зоя помолчала, потом медленно кивнула.

— Я бы поехала. Но сначала я бы проверила, кто этот человек. У Анны была подруга, тётя Люба. Она живёт в соседнем доме. Если кто-то знает правду о твоей матери — это она.

Марк вышел через чёрный ход, как и тот мужчина. Снег хрустел под ногами, и он шёл, сжимая в руке конверт, чувствуя, как бумага намокает от пота. Он нашёл тётю Любу — старую

женщину с седыми волосами и руками, изрезанными морщинами. Она открыла дверь, посмотрела на него и заплакала.

— Ты — Марк, — сказала она, и голос её дрожал. — Я узнала тебя по глазам. Как у матери.

Она впустила его, напоила чаем с вареньем, и рассказала, что Лена действительно жива, что она боялась вернуться, потому что Валентин угрожал убить Марка, если она появится. Что она писала письма Анне, и Анна их прятала.

— Но она заболела, — сказала тётя Люба, вытирая слёзы. — Рак. Она лежала в больнице в Питере, в прошлом году. Я ездила к ней. Она просила передать тебе, что любит тебя и что хочет, чтобы ты уехал, как только сможешь. Она оставила тебе свою старую квартиру. Всё оформлено на тебя, через юриста. Но юрист умер, и документы затерялись. Если ты поедешь, то сможешь восстановить права.

Марк сидел и слушал, чувствуя, как чай обжигает горло. Он думал о том, что у него есть адрес, но нет документов, что он может поехать и найти мать, но она больна, и он не знает, как её спасти. Что у него есть деньги, но их хватит только на билет и еду на несколько дней.

Он вернулся в пустой дом, поднялся на чердак, сел на матрас и разложил перед собой всё: фотографию Лены, конверт, билет, листок с адресом. За окном темнело, и снегопад усиливался. Он слышал, как Зоя внизу напевала что-то грустное, как скрипели ступени под её ногами. И вдруг он понял, что его выбор не между «уехать» и «остаться». Он должен решить, верить ли незнакомцу, который пришёл ночью, или тёте Любе, которая плакала при нём, или Зое, которая смотрела на него с жалостью.

Он закрыл глаза, и перед ним встало лицо Анны — улыбающейся, с морщинками у глаз. Он услышал её голос: «Ты сильный, Маркушка. Самый сильный». Он открыл глаза, взял билет и сжал его в кулаке. Он решил, что поедет. Но сначала он найдёт документы в кабинете отца, чтобы доказать своё право на квартиру. Даже если это риск. Даже если это ловушка.

Он спустился в кабинет, открыл сейф — код он знал, потому что подсматривал за отцом много раз. Внутри лежала папка с его именем. Он открыл, перелистал бумаги и нашёл свидетельство о рождении, договор купли-продажи квартиры в Питере, и письмо от Лены, датированное прошлым годом: «Марк, если ты это читаешь, значит, я уже не в силах писать сама. Прости, что не забрала тебя. Я боялась. Но квартира — твоя. Никому не давай её. Это твой дом. Твой, а не его. Я люблю тебя, сын».

Марк сунул все бумаги в рюкзак, который Анна когда-то сшила ему из старой скатерти. Надел куртку, взял билет, вышел через чёрный ход и пошёл на вокзал, не оглядываясь. Снег падал ему на лицо, таял и стекал по щекам, как слёзы, которых он не плакал. В кармане лежала фотография матери, улыбающейся в 1995 году, и он знал, что даже если она больна, он найдёт её и скажет, что он выжил. Что он сделал это. Назло всем.

Глава 7

Марк проснулся от запаха. Не от того, который всегда был на чердаке — пыль, старая шерсть, собственный пот, — а от чужого: резкого, с ноткой одеколона и бумаги. Он сел на матрасе, и половица под ним скрипнула — внизу, в гостиной, кто-то говорил. Голос Надежды был тягучим, как патока, но второй — сухой, рубленый — перебивал её через слово.

Марк подполз к двери, прижался щекой к щели. Пахло кофе и табаком, хотя никто не курил — отец был на дежурстве. Он услышал: «...замкнутый, почти не говорит. Мы хотим, чтобы он стал человеком». И второй голос спросил: «Каковы ваши ожидания?» Марк отпрянул, ударился плечом о косяк, и доска лязгнула. Внизу стало тихо.

— Марк! — голос Надежды взлетел, как плеть. — Спускайся! Немедленно!

Он встал, натянул свитер — горло сдавило, и он сунул руку в карман. Ингалятора не было — оставил на тумбочке, где Зоя ставила тарелку. Он спустился, держась за перила, и каждая ступенька скрипела по-разному: третья — резко, шестая — глухо, как вздох. В гостиной горел камин, и в его свете стоял мужчина — высокий, в сером пиджаке, с сединой на висках. Он смотрел на Марка так, будто взвешивал его на ладони.

— Подойди, — сказала Надежда, и её улыбка была как засохшая корка.

Марк сделал шаг, остановился. Ботинки были на два размера больше — он чувствовал, как пятки скользят внутри. Мужчина шагнул к нему, и пол под ним не скрипнул — он ступал бесшумно, как отец, когда хотел застать врасплох.

— Здравствуй, — сказал он, и его голос был низким, без интонации. — Я Виктор Степанович, твой гувернёр.

Марк смотрел на его руки — длинные пальцы, без колец, с жёлтыми пятнами на указательном от никотина. Он ждал, что они схватят его за плечо, но они просто висели вдоль тела.

— Отвечай, — вмешалась Надежда, и её голос стал острее.

— Здравствуйте, — выдохнул Марк, и воздух вышел со свистом.

— Громче, — сказал гувернёр, не повышая тона.

Марк повторил, и голос сорвался на хрип. Он увидел, как Надежда поджала губы, и в её взгляде мелькнуло удовлетворение — она ждала, что сейчас начнётся. Но Виктор Степанович просто повернулся и пошёл в кабинет, не оборачиваясь.

— Иди за мной, — бросил он через плечо.

Кабинет пах старыми книгами и пылью, которую Анна когда-то вытирала влажной тряпкой — Марк помнил её запах, смешанный с мылом. Теперь здесь пахло только чужим одеколоном. Гувернёр сел за стол, достал из портфеля тетрадь и ручку — чёрную, с золотым ободком. Он положил перед Марком лист бумаги.

— Напиши имя.

Марк взял ручку. Она была тяжёлой, и пальцы дрожали. Он вывел: «МАРК» — буквы прыгали, как на волнах.

— Фамилию.

«ИВАНОВ». Он знал, что это не его фамилия, но так было в документах, которые отец прятал в сейфе.

Гувернёр протянул ему другой лист — с текстом, напечатанным на машинке.

— Читай.

Марк вдохнул, и воздух застрял в горле. Он начал: «Ве-чером солнце... за-го-ри-зонт». Он запнулся, чувствуя, как губы немеют.

— Горизонт, — поправил гувернёр, и его голос был ровным, как доска. — Что это?

Марк вспомнил, как Анна показывала ему в окно: «Видишь, Маркушка, где небо с землёй встречается? Это горизонт». Он выдохнул:

— Линия, где небо встречается с землёй.

— Правильно. Кто тебя учил?

Марк сжал ручку так, что золотой ободок впился в ладонь. Он не хотел говорить про Анну — каждый раз, когда он произносил её имя, внутри что-то ломалось.

— Анна, — сказал он, и голос дрогнул. — Она умерла.

Гувернёр не ответил. Он взял его за запястье — пальцы были холодными, сухими, как пергамент, — перевернул ладонь вверх. На коже, у основания большого пальца, желтел синяк — вчерашний, от удара о перила, когда он упал на лестнице. Марк дёрнулся, но гувернёр держал крепко.

— Откуда это? — спросил он, глядя не на синяк, а в глаза Марку.

— Я упал.

— На левом предплечье тоже, — сказал гувернёр, и его пальцы скользнули выше, к локтю, где под рукавом скрывались старые, жёлтые следы от ремня. — И на спине, полагаю. Ты часто падаешь?

Марк молчал. Он слышал, как тикают часы — громко, отрывисто, как удары. Он чувствовал, как пот стекает по спине, и свитер прилипает к коже.

— Я неуклюжий, — выдавил он, не поднимая глаз.

Гувернёр отпустил его руку. Он долго смотрел на Марка, и в его взгляде не было ни злости, ни жалости — только холодное внимание, как у человека, который собирает улики.

— Начнём с алфавита, — сказал он. — Называй.

Марк начал: «А, Б, В, Г, Д...» — и на «Ё» запнулся.

— Что такое «Ё»?

— Буква, — неуверенно ответил он.

— Правильно. В русском языке тридцать три буквы. Почему ты запнулся?

— Я не знал, что она есть, — сказал Марк, и слова вырвались помимо воли.

Гувернёр взял тетрадь, открыл чистую страницу.

— Теперь будешь знать. Запоминай порядок. Через десять минут проверю.

Он откинулся на стуле, достал из кармана книгу — тонкую, в коричневой обложке — и начал читать, не глядя на Марка. Марк сидел, глядя на страницу, но буквы плыли. Он думал о том, что гувернёр увидел синяки, что он может рассказать Надежде, и тогда будет хуже. Он слышал, как за стеной Зоя мыла посуду — вода лилась, звякали чашки. Он считал удары воды, чтобы не думать о боли.

На шестой день они решали арифметику. Гувернёр написал на листе: «У Пети 5 яблок, у Васи 3. Сколько вместе?»

— Восемь, — сказал Марк, и ответ вылетел сам собой, без усилия.

— Запиши решение.

Марк взял ручку. Он не знал, как записать то, что видел в голове — просто числа, которые складывались, как кубики. Он попытался написать столбиком, но перепутал разряды.

— Неверно, — сказал гувернёр, и в его голосе впервые появилась резкость. — Я объяснял вчера. Ты слушал?

— Я слушал, но...

— Перепиши.

Марк попытался снова. Рука дрожала, и цифры выходили кривыми, как паутина. Гувернёр взял лист, разорвал его пополам, и сухой треск бумаги ударил по ушам.

— Ты не стараешься, — сказал он, и его голос стал ледяным. — Ты притворяешься, чтобы я ушёл. Но я не уйду, пока не добьюсь.

Марк почувствовал, как к горлу подступает ком. Он не плакал при отце, не плакал при Надежде, но сейчас слёзы потекли сами — горячие, солёные, они падали на тетрадь и размывали чернила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.